

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК [338.22: 331.522](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5

Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России *

© **КОРЧАК Елена Анатольевна**, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: elenakorchak@mail.ru

Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Россия

Аннотация. Залог эффективного освоения ресурсов Арктики составляют активные усилия по развитию элементов социально-экономических систем арктических регионов, прогресс в использовании которых обеспечит синергетический эффект при реализации всего спектра приоритетов развития Арктической зоны. Один из таких элементов — трудовой потенциал, способный эффективно противостоять вызовам в Арктике. Современными угрозами развития трудового потенциала арктических регионов являются снижение численности населения, нарушение процессов воспроизводства населения, низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин и коренного малочисленного населения, социальная напряжённость на территориальных рынках труда, бедность населения. Положения и выводы представленного исследования содержат научно обоснованную позицию в отношении роли трудового потенциала в устойчивом развитии арктических регионов России. Результаты исследования ориентированы на их практическое использование в сфере управления развитием трудового потенциала арктических регионов. Перспективы дальнейшей разработки затронутой темы связаны с проработкой научных основ активизации механизмов территориального саморазвития в достижении устойчивого развития арктических регионов России.

Ключевые слова: *трудовой потенциал, арктический регион, устойчивое развитие, рынок труда, уровень жизни, демографическая ситуация, безработица, социальное лицензирование.*

The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic

© **Elena A. KORCHAK**, Cand. Sci. (Econ.), senior researcher

E-mail: elenakorchak@mail.ru

Institute for Economic Studies named after G. P. Luzin, the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Russia

Abstract. The key to the effective development of the Arctic resources is the active development of elements of the socio-economic systems of the Arctic territories. The progress in their use will provide a synergistic effect in the implementation of the full range of development priorities of the Arctic zone. One of these elements is labor potential able to confront challenges in the Arctic effectively. Modern problems of the development of the labor potential of the Arctic territories are population decline, disruption of population reproduction processes, the low life expectancy of men and indigenous people, social tensions in labor markets, and poverty. The provisions and conclusions of the presented study contain a scientifically substantiated position regarding the role of labor potential in the sustainable development of the Arctic territories of Russia. The research results are focused on their use for managing the development of the labor potential of the Arctic territories. Prospects for the further research of this topic are related to the

* Для цитирования:

Корчак Е.А. Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 5–23. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5

For citation:

Korchak E.A. The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 5–23. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5

study of the scientific foundations of the territorial self-development in achieving sustainable development of the Arctic territories of Russia.

Keywords: *labor potential, the Arctic region, sustainable development, labor market, the standard of living, demographic situation, unemployment, social licensing.*

Введение

Приоритетом российского общества выступает устойчивое развитие страны, ведущее положение в достижении которого занимают арктические регионы. В Арктике процессы общественного развития имеют особую значимость, что обусловлено серией факторов. Минеральные и топливно-энергетические ресурсы арктических регионов играют ключевую роль в удовлетворении потребностей национальной экономики в стратегически важных видах сырья. Использование труда требует особого подхода в силу климатической напряжённости, создающей дискомфортность жизнедеятельности в условиях Арктики: интенсивность воздействия природных условий продуцирует перенапряжение адаптационных свойств организма человека, холодовую дискомфортность, специфические северные заболевания, старение организма. Дисперсность расселения, территориальная удалённость, малочисленность удалённых поселений, ограниченность сфер приложения труда, низкий уровень транспортной доступности обуславливают повышенную ресурсоёмкость жизнедеятельности в Арктике. Несмотря на значение Арктики, в России этот малолюдный макрорегион остаётся проблемной зоной в силу сложности и неоднородности территориального социально-экономического развития и фактически отсутствия научно обоснованного территориального управления. Сегодня назрела необходимость в формировании новых подходов к развитию научно-практической проблематики развития арктических регионов и трансформации системы государственного регулирования их развития. Новой арктической парадигмой должно стать устойчивое развитие арктических регионов, цель которого — комплексное освоение ресурсов с упором на социальную составляющую устойчивого развития. Решающую роль в таком развитии играет трудовой потенциал.

Трудовой потенциал как системообразующий фактор территориальных социально-экономических систем

В концепции трудового потенциала применяются различные подходы к определению его сущности, однако преобладающим является представление о том, что трудовой потенциал региона составляет реализуемую за счёт знаний, опыта и профессиональных компетенций [1, Цветкова И.И.] способность трудоспособного населения к производственной деятельности. Эффективность реализации такой способности определяет уровень производительности труда [2, Третьякова Л.А., Бессонова М.А., Трофименко Е.Н.] и зависит от количественных (определяемых демографическими факторами [3, Зайцева И.В.]) и качественных (определяемых уровнем социально-экономического развития региона) характеристик трудового потенциала региона.

Анализ категорий экономики и социологии труда [4, Корчак Е.А.] свидетельствует о том, что трудовой потенциал является составной частью человеческого потенциала — социальной категории, характеризующей население в качестве субъекта общественного территориального развития [5, Истомин А.В., Селин В.С.]. Основу трудового потенциала составляет часть населения региона, имеющая способности к труду, степень реализации которых определяет темпы и пропорции территориального социально-экономического развития и уровень развития человеческого потенциала региона [6, Воробьев А.А.].

Таким образом, трудовой потенциал — это обладающий способностью к экономической деятельности социальный фактор территориального развития, количественные и качественные характеристики которого формируются под воздействием территориальной специфики и определяют уровень устойчивости развития региона. Количественные характеристики трудового потенциала региона измеряются на основе статистических данных (данных Переписей населения, данных выборочных обследований рабочей силы, занятости и безработицы [7, Попова Л.А., Терентьева М.А.]), а качественные характеристики формируются под воздействием демографических процессов [8, Терентьева М.А.] и определяются состоянием отраслей социальной инфраструктуры и уровнем жизни [9, Ярашева А.В., Макара С.В.], а также функциональной спецификой арктических регионов [10, Тесля А.Б., Булачева Л.В.].

Медико-демографические факторы формирования трудового потенциала арктических регионов России

В обеспечении реальных возможностей формирования трудового потенциала основную роль играют демографические процессы [11, Samarina V., Skufina T. and Samarin A.]. Анализ медико-демографической ситуации (2005–2017 гг.) свидетельствует о том, что сегодня существуют угрозы в обеспечении реальных возможностей формирования трудового потенциала арктических регионов России¹ [12, Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Кваша Е.А., Богоявленский Д.Д., Коровкин А.Г., Королев И.Б.]. К таким угрозам относятся снижение численности населения трудоспособного возраста (составляющего основу трудового потенциала) и миграционная убыль населения [13, Schmidt J., Aanesen M., Klovov K., Khrutshev S. and Hausner V.], а также высокий уровень заболеваемости, высокие уровни смертности среди мужчин в трудоспособном возрасте и младенческой смертности.

Основная тенденция демографического развития арктических регионов России (рис. 1) — смещение демографического равновесия в сторону увеличения численности населения старше трудоспособного возраста и проявление эффекта феминизации с повышением возраста (начиная с возрастной группы 40–44 года): в 2017 г. доля населения трудоспособного возраста здесь составила 61,2% против 68% в 2005 г.

¹ В качестве объекта исследования выбраны регионы, полностью отнесённые к Арктической зоне РФ.

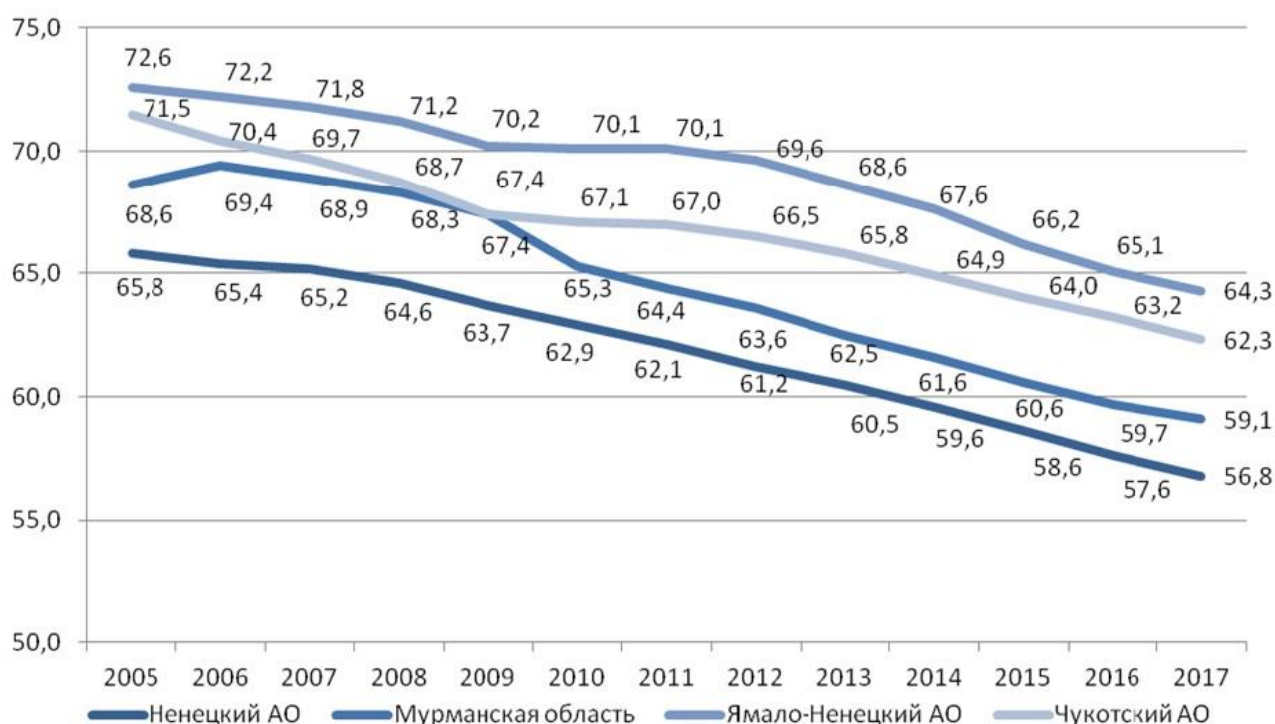

Рисунок 1. Динамика доли трудоспособного населения в арктических регионах РФ, 2005–2017 гг., % от общей численности населения².

Яркий пример — Мурманская область, где на фоне значительного снижения численности населения (в 2005–2017 гг. — на 85 тыс. чел. или 10,1%) доля трудоспособного населения составила 59,1% против 68,6% в 2005 г. Для региона остро стоит проблема миграционного оттока населения: в 2005–2017 гг. из области выбыло 75,4 тыс. чел. Негативная для развития трудового потенциала региона ситуация связана с тем, что в структуре миграционной убыли значительную часть составляют квалифицированные кадры (в 2017 г. в миграционной убыли населения в возрасте 14 и старше лет 57,2% составило квалифицированное население). Несомненно, такие тренды сужают возможности использования трудового потенциала арктических регионов.

Факторами, оказывающими негативное влияние на развитие трудового потенциала арктических регионов, являются высокий уровень заболеваемости населения, вызывающий опасения в связи с инвалидизацией и смертностью населения, а также высокие уровни смертности населения в трудоспособном возрасте и младенческой смертности. Так, уровень заболеваемости населения на 1 000 чел. населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) арктических регионов в 2017 г. составил 1 015,9 при среднероссийском уровне в 778,9. Среди распространённых классов болезней — болезни органов дыхания: в Чукотском АО — 771,8 в 2017 г., в Ненецком АО — 702,7, в Ямало-Ненецком АО — 625,3 при среднем по России уровне в 353,5. Среднероссийское значение значительно превышает уровень заболеваемости населения по болезням органов

² Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 18.05.2019).

пищеварения и костно-мышечной системы (например, в Ненецком АО уровень заболеваемости по классу болезней органов пищеварения в 2017 г. составил 82,9 против 34 в среднем по РФ, в Ямало-Ненецком АО — 64,4, в Чукотском АО — 60,2).

Такие специфические особенности медико-демографических показателей в арктических регионах России обусловлены дискомфортом проживания, в т.ч. природно-климатическими условиями, состоянием окружающей среды, этнической составляющей человеческого потенциала, а также функциональными особенностями арктических поселений. Так, в Мурманской области (здесь на долю градообразующих предприятий приходится до 70% выбросов загрязняющих веществ) в число поселений³ с высокими показателями заболеваемости детей в возрасте до 14 лет по классу болезней эндокринной системы, превышающими более чем в 1,5 раза среднеобластные показатели, входят г. Мончегорск и Кольский район, на территории которых осуществляет производственную деятельность Кольская ГМК. Содержание диоксида серы в атмосферном воздухе таких поселений превышает норму в 2 раза; в паводковый период фиксируются превышения нормативов питьевого водоснабжения по никелю. К поселениям с высокими показателями заболеваемости детей в возрасте до 14 лет по классам болезней костно-мышечной системы и врожденных аномалий относится г. Кировск, на территории которого функционирует Кировский филиал АО «Апатит». Отвалы «хвостов» предприятия — основной источник загрязнения окружающей среды пылью (ветры со стороны предприятия в жилые стороны Апатитско-Кировского района создают повышенные концентрации загрязняющих веществ в атмосферном воздухе). В большей, чем другие регионы России, степени Мурманская область подвержена опасности радиоактивного загрязнения: на территории Кольского края находится более двухсот ядерных реакторов, значительное количество радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива⁴.

В Ямало-Ненецком АО значительный вклад в региональные показатели распространения заболеваний населения⁵ (особенно смертности от новообразований) вносят промышленные объекты городов Нового Уренгоя, Надыма и Ноябрьска, где в число загрязняющих атмосферный воздух веществ входят диоксид серы, оксиды азота и углерода, формальдегид, бензапирен. По заболеваемости злокачественными новообразованиями территории риска составляют промышленные поселения городов Салехард, Губкинский, Ноябрьск, а также Пуровский, Шурышкарский и Тазовский районы.

³ Медико-демографические показатели и санитарно-эпидемиологическая обстановка в Мурманской области в 2016 году. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Мурманской области. URL: http://51.rosпотребнадзор.ru/directions_of_activity/social_hygienic_monitoring/ (дата обращения: 09.04.2018).

⁴ Особенности загрязнения. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Мурманское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды». URL: <http://www.kolgimet.ru/monitoring-zagraznenija-okruzhajushchei-sredy/centr-monitoringa-zagraznenija-okruzhajushchei-sredy/osobennosti-zagraznenija/> (дата обращения: 18.05.2019).

⁵ Неинфекционная заболеваемость населения Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Ямало-Ненецкому автономному округу. URL: <http://89.rosпотребнадзор.ru/s/89/files/directions/monitoring/146492.pdf/> (дата обращения: 18.05.2019).

Другой пример — Чукотский АО, где регистрируются высокий уровень младенческой смертности (в 2017 г. — 10,7‰) и самая низкая ожидаемая продолжительность жизни при рождении (всего населения — 66,10 года, мужчин — 60,33). Среди специфических, обусловленных этническими характеристиками населения, особенностей медико-демографической ситуации округа — высокая доля сельского населения (30%), высокий уровень заболеваемости населения от «травм, отравлений, последствий воздействия внешних причин» (110,1 случаев на 1 000 чел. населения в 2017 г.), высокие уровни смертности от внешних причин (222,3 случаев на 100 тыс. чел. населения в 2017 г.) и смертности сельского населения (в 2017 г. — 14,2‰ против 7,4‰ среди городского населения).

Территориальная организация социальной инфраструктуры в арктических регионах России

Не менее важный фактор развития трудового потенциала арктических регионов России — социальная инфраструктура (организации и учреждения отраслей социальной сферы, обслуживающие такие базовые социальные потребности населения, как образование детей, жилище, медицинское сопровождение, культурный и спортивный досуг и пр.) [14, Маркин В.В., Силин А.Н.] и транспортная доступность, формирующие «бытовую» привлекательность арктических регионов [15, Иванова М., Ключкина Э.С.]. Анализ состояния социальной инфраструктуры арктических регионов России свидетельствует о наличии угроз в обеспечении реальных возможностей развития трудового потенциала. Так, препятствия обеспечению возможностей полноценного развития детей и подростков и формирования их собственных образовательных потребностей создают неудовлетворительное состояние учреждений, предоставляющих общеобразовательные услуги (в т.ч. их материально-технической базы), а также дисбаланс спроса и предложения услуг системы дошкольного образования, проявляющийся в том числе в неполном охвате детей такими услугами. Особо актуальны проблема нехватки мест в детских дошкольных учреждениях для детей до трёх лет и доступность дошкольных учреждений детям из числа коренного малочисленного населения. Например, в Ненецком АО охват детей дошкольным образованием составляет только 78%, учреждения дополнительного образования в сельской местности отсутствуют; в городе Салехарде (Ямало-Ненецкий АО) доля детей, состоящих на учёте для определения в муниципальные дошкольные образовательные учреждения, составляет 33,5%, в городе Губкинском — 29,5%.

Неудовлетворительное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры продуцирует расширение локализации заболеваемости и смертности населения арктических регионов. Так, в Ямало-Ненецком АО источником распространения неинфекционной заболеваемости⁶ является неудовлетворительное состояние централизованных систем водоснабжения: в питьевой воде значительно превышены гигиенические нормативы содержания железа и марганца; неэффективна водоподготовка на водоочистных сооружениях городов Тар-

⁶ Там же.

ко-Сале, Ноябрьска; в Надымском районе эксплуатируемые питьевые водопроводы не имеют необходимого комплекса очистных сооружений; в Шурышкарском районе отсутствуют хозяйственно-питьевые водопроводы; в г. Лабытнанги из поверхностных водоисточников водопроводами поставляется неочищенная и необеззараженная вода. В Чукотском АО более 19% населения не обеспечено качественным питьевым водоснабжением, более 40% сельских поселений не оборудовано водопроводом.

Немаловажную роль в формировании качественных и количественных характеристик трудового потенциала арктических регионов играют жилищные условия. Так, по данным Росстата, 8,2% семей в арктических регионах России нуждается в улучшении жилищных условий (15,3% — в Ненецком АО); 5,9% жилищного фонда находится в аварийном и ветхом состоянии. В Ямало-Ненецком АО это количество достигает 11,8%, при этом на миграционные установки населения округа жилищные проблемы оказывают большее влияние, чем уровень трудовых доходов.

Негативное воздействие на количественные характеристики трудового потенциала арктических регионов (например, уровень безработицы и её территориальную дифференциацию, уровень трудоустройства и пр.) оказывает «транспортная дискриминация» населения — минимальная транспортная связанность и изолированность населённых пунктов продуцируется их разбросанностью по обширным территориям арктических регионов. Например, в Ямало-Ненецком АО 67,7% населения Приуральского муниципального района проживает в населённых пунктах, не имеющих регулярного транспортного сообщения с административным центром, 46,7% — в Тазовском районе; в Чукотском АО — 72,4% в Чукотском районе, 38,7% в Providенском городском округе, 35,1% в г. Певеке, 25% в Билибинском районе, 9,8% в г. Эгвекиноте; в Мурманской области — 6,3% в Терском районе, 4,65% в Ловозерском районе.

Уровень жизни населения арктических регионов России

Угрозу качественным характеристикам трудового потенциала арктических регионов составляет низкий уровень жизни населения: 10,1% (2017 г., 14,4% в 2005 г.) населения арктических регионов пребывает в состоянии бедности: в Мурманской области — 12,6% (19,1%), Ненецком АО — 11,4% (9%), Чукотском АО — 9% (15,1%), Ямало-Ненецком АО — 6,5% (8,4%). Анализ среднего и медианного уровня среднедушевых денежных доходов свидетельствует о том, что фактически 60% населения составляют малоимущие. В 2017 г. величина среднедушевых денежных доходов 70,5% населения Мурманской области составляла менее 3-х величин прожиточного минимума, в Ненецком АО — 59,2%, в Чукотском АО — 56,1%. При этом медианный доход в Мурманской области составил 80% от среднего, в Ненецком АО — 74%, в Чукотском АО — 76%.

Среднедушевой доход в первой (с наименьшими доходами) группе населения в Ненецком АО составил 25,5% от среднего по округу денежного дохода (2017 г.), в Ямало-Ненецком АО — 26,5%, в Чукотском АО — 28,2%, в Мурманской области — 33,2%.

По данным выборочных обследований домохозяйств⁷, уровень субъективной бедности (доля домохозяйств, относящих себя к категории малоимущих) в 2017 г. составил 62,5%, в т.ч. 79% в Ямало-Ненецком АО (регионе с самым высоким уровнем оплаты труда в РФ), 68,8% в Ненецком АО, 51,3% в Мурманской области, 47,8% в Чукотском АО. 5,3% домашних хозяйств «имели финансовые трудности, не позволившие внести установленные платежи за жилищно-коммунальные услуги⁸» (в Чукотском АО их количество составило 17,4%). В целом показатели бедности и дифференциации населения арктических регионов по уровню среднедушевых денежных доходов значительно превышают свои предельно-критические значения [16, Глазьев С.Ю., Локосов В.В.]: в Мурманской области уровень бедности превышает своё предельно-критическое значение (3%) в 4,2 раза, Ненецком АО в 3,8 раза, Чукотском АО в 3 раза, в Ямало-Ненецком АО в 2,2 раза.

Один из основных признаков низкого уровня жизни — высокая доля расходов на питание в общей структуре потребительских расходов, свидетельствующая о наличии ограничений в доступе домохозяйств к ресурсам развития. Например, в Чукотском АО доля расходов на питание в общей структуре потребительских расходов в 2017 г. составила 40%, в Ненецком АО — 34%, Ямало-Ненецком АО — 32,2% (рис. 2).

⁷ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_101/Main.htm (дата обращения: 24.04.2018).

⁸ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 3 квартале 2018 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): Стат. сборник / Федеральная служба государственной статистики. М., 2019. 103 с.

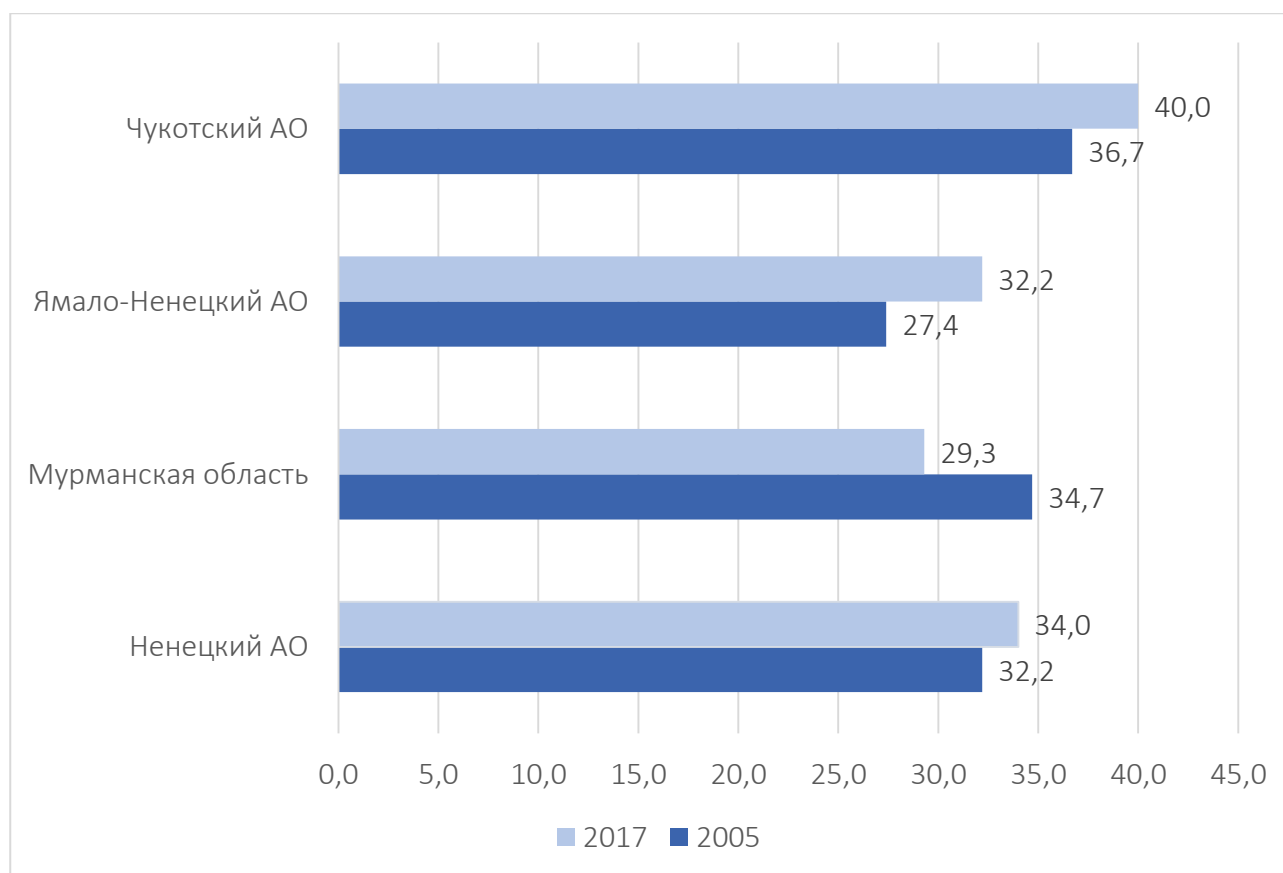

Рисунок 2. Доля расходов на питание в общей структуре потребительских расходов в арктических регионах РФ, 2005 г., 2017 г., %⁹.

В Мурманской области значение такого показателя в 2005–2017 гг. снизилось, что может рассматриваться в качестве положительной тенденции роста благосостояния домохозяйств, однако на практике такой вывод омрачается достаточно странной ситуацией с составом пищевых веществ в потреблённых продуктах питания. Мурманская область, полностью расположенная в Арктической зоне РФ, характеризующаяся суровыми природно-климатическими условиями, отличающаяся к тому же рыбо- и горнодобывающей хозяйственной специализацией (предполагающей высокую долю мужского труда), тем не менее, существенно уступает по составу пищевых веществ в потреблённых продуктах питания регионам, не входящим в Арктическую зону (с более благоприятными природно-климатическими условиями).

Системный фактор, определяющий динамику социально-экономического развития арктических регионов в стратегической перспективе, составляет детская бедность — важнейший показатель устойчивого развития, оказывающий значительное влияние на формирование количественных и качественных характеристик трудового потенциала арктических регионов России. Такой показатель не отражается в статистике и фактически не учитывается в рамках формирования социальной политики всех уровней управления. По авторским расчётам (рис. 3), 20% детского населения арктических регионов России сегодня относится к ка-

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 24.04.2018).

тегории бедного; в зону высокой концентрации детской бедности (27,5%) входит Мурманская область.

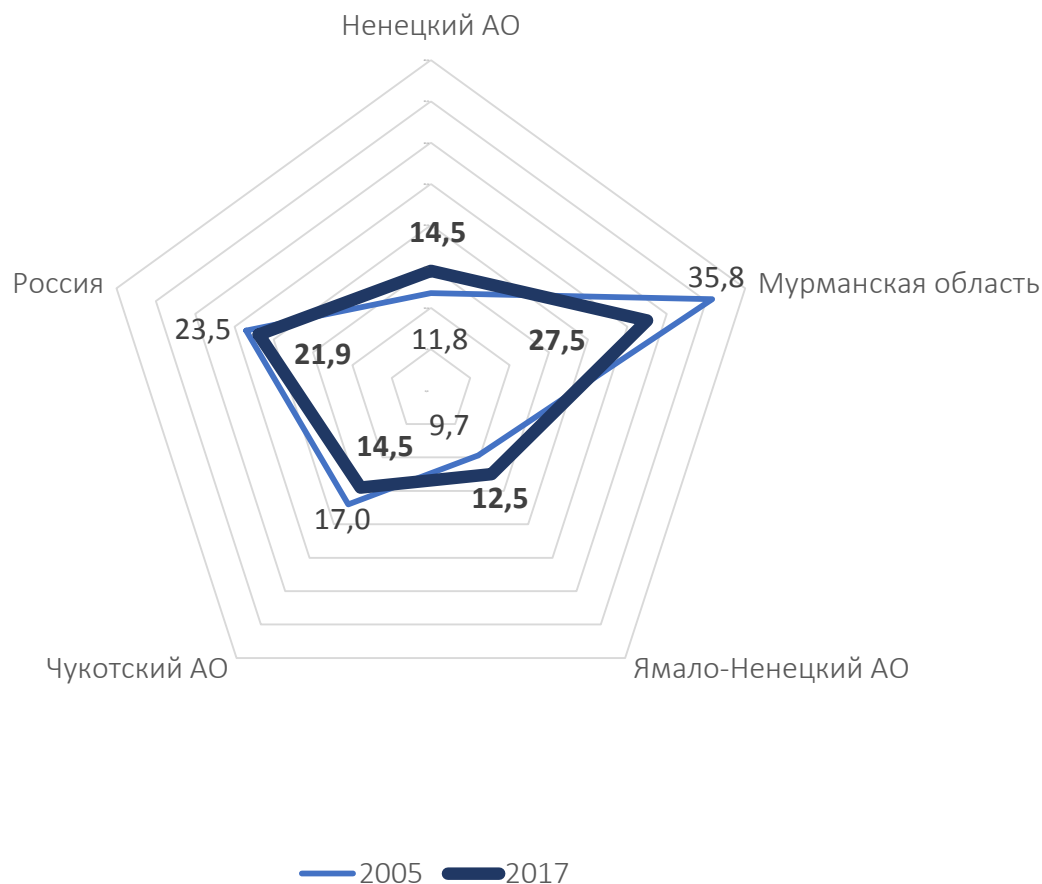

Рисунок 3. Уровень детской бедности в арктических регионах РФ, 2005 г., 2017 г., %.

Детская бедность (доля бедных детей в общей численности детского населения) — явление, возникающее не только в семьях безработных людей, но и в семьях с работающими родителями. Угроза детской бедности трудовому потенциалу арктических регионов — это прежде всего риски распространения заболеваемости, инвалидизации и смертности, снижения уровня образования и повышения уровня безработицы, снижение уровня жизни, рост преступности, рост социальной напряжённости и сокращение возможностей экономического роста.

Рынки труда арктических регионов России

Определяющее значение в развитии трудового потенциала арктических регионов России имеет эффективность функционирования территориальных рынков труда, современное состояние которых свидетельствует о наличии фундаментальных противоречий между стратегическим значением российской Арктики и негативными процессами в её социально-экономическом развитии. Несмотря на высокие уровни экономической активности населения, в арктических регионах России негативным фактором развития трудового потенциала

остаётся социальная напряжённость на территориальных рынках труда, продуцируемая в первую очередь безработицей.

Среди основных характеристик безработицы в арктических регионах России (табл. 1), уровень которой в 2017 г. составил 6,1%, — молодая возрастная структура безработных граждан (средний возраст безработных граждан составляет 36,5 лет, а самый высокий уровень безработицы находится в возрастной группе 20–29 лет), высокая (63,3%) доля квалифицированных граждан в структуре безработных (необходимо отметить тенденцию повышения доли квалифицированных в структуре безработных граждан), застойный характер безработицы (почти у четверти безработных граждан продолжительность поиска работы составляла более года).

Таблица 1

Основные характеристики безработицы в арктических регионах России, 2005 г., 2017 г.¹⁰

Показатель	Ненецкий АО		Мурманская область		Ямало-Ненецкий АО		Чукотский АО	
	2005	2017	2005	2017	2005	2017	2005	2017
Среднее время поиска работы, мес.	8,5	7,9	8,4	7,5	7,1	6,7	8,3	6,1
Удельный вес безработных, ищущих работу 12 и более месяцев, % от общего числа безработных граждан	35,6	31,5	37,1	33,2	25,8	22,2	33,0	21,5
Доля безработных, имеющих квалификацию, в общей структуре безработных граждан, %	33,1	57,8	62,3	67,2	54,9	54,9	45,0	36,9

Так, в Мурманской области и в Ненецком АО в 2005–2017 гг. на фоне незначительного снижения застойной безработицы увеличилась доля квалифицированных безработных граждан, что свидетельствует в том числе о несоответствии сформированных систем профессиональной подготовки потребностям региональных экономик.

Социальная напряжённость на арктических рынках труда усиливается низким уровнем трудоустройства, безработицей выпускников образовательных организаций, высоким уровнем территориальной дифференциации безработицы. Например, один из самых низких в РФ уровень трудоустройства (43%) сложился в Ненецком АО, где 40% безработных составляют граждане, проживающие в сельской местности: уровень безработицы в г. Анадыре составляет 0,2%, в Чукотском муниципальном районе, где основными работодателями являются государственные и муниципальные учреждения, а также предприятия сельскохозяйственной специализации, а более 70% безработных составляет коренное малочисленное население, — 11,5%. В Мурманской области 67,5% безработных составляют граждане, имеющие квалификацию, при этом уровень безработицы среди выпускников образовательных организаций составляет 8,8%. Характерная для Мурманской области ситуация — невостребован-

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 24.04.2018).

ность местными предприятиями выпускников высших учебных заведений: выпускники учреждений среднего профессионального образования (колледжей, взаимодействующих с градообразующими предприятиями) оказываются более подготовленными к работе в отличие от специалистов с высшим образованием, нуждающихся в наставничестве¹¹. Только 28% молодёжи работает по полученной специальности [17, Шарова Е.Н.]: на фоне переизбытка юристов, экономистов и гуманитариев наибольшую потребность в Мурманской области составляют квалифицированные кадры в сферах судоремонта, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, строительства. Уровень послевузовской миграции выпускников из региона составляет более 30%.

Дисбаланс спроса и предложения на территориальных рынках труда арктических регионов России усугубляется проблемами трудоустройства коренных малочисленных народов Севера. Так, в сферу занятости коренных малочисленных народов Севера в Мурманской области входят неквалифицированные рабочие места в периферийной отрасли региональной экономики — оленеводстве; в автономных округах Арктической зоны России безработица коренного малочисленного населения имеет сезонный характер, продуцируемый особенностями традиционного природопользования (периодичностью таких видов этноэкономической деятельности, как охота, морской промысел). Общими проблемами трудоустройства коренного малочисленного населения арктических регионов России являются узость сфер приложения труда, сокращение числа рабочих мест в сфере традиционного природопользования, снижение заинтересованности молодёжи из числа коренного малочисленного населения в ведении традиционных видов природопользования.

Актуальная проблема функционирования арктических рынков труда — низкооплачиваемая занятость. Элементами современной системы государственного регулирования процессов развития трудового потенциала арктических регионов России являются институциональные условия, направленные на сохранение работоспособности человека, обеспечение государственных гарантий по оплате труда с учётом повышенных издержек, связанных с жизнедеятельностью в условиях Арктики, регулирование социального партнёрства в сфере труда и занятости и пр. Критический анализ такой системы свидетельствует о её существенных недостатках, негативно влияющих на процессы развития трудового потенциала арктических регионов. К ним относится применение норм, не гарантирующих ответственность за результаты и последствия реализуемых решений на региональном и муниципальном уровнях управления, при которых не обеспечиваются права граждан в сфере социально-трудовых отношений. Например, должностной оклад медицинской сестры 3-го квалификационного уровня в областном учреждении, подведомственном Министерству здравоохранения Мурманской области, составляет 35,8% величины прожиточного минимума трудоспособного населения (14 374 руб.), врача — анестезиолога-реаниматолога 4 квалификационного уров-

¹¹ В Мурманской области возрождают институт наставничества. Murman.ru. URL: <https://www.murman.ru/themes/economy-17042019.shtml> (дата обращения: 18.05.2019).

ня — 59,8%, главной медицинской сестры амбулаторно-поликлинического учреждения здравоохранения — 55%, главного фельдшера станции скорой медицинской помощи — 61,4% (табл. 2).

Таблица 2

Размеры окладов работников бюджетных учреждений здравоохранения по профессиональным квалификационным группам в арктических регионах России, 2017 г.¹²

Показатель	Ненецкий АО	Мурманская область	Ямало-Ненецкий АО	Чукотский АО
Средний медицинский и фармацевтический персонал 3 квалификационного уровня	8 500	5 144	11 500	8 768
Врачи и провизоры 4 квалификационного уровня	12 700	8 601	17 500	16 700
Руководители структурных подразделений медицинских организаций с высшим медицинским и фармацевтическим образованием 2 квалификационного уровня	17 000	9 480	18 700	17 535
Справочно: величина прожиточного минимума трудоспособного населения, руб.	21 664	14 374	16 569	20 600

В Мурманской области среднемесячная заработная плата работников муниципальных детских дошкольных учреждений варьируется от 28 016,3 руб. в Ковдорском районе до 31 551,7 руб. в г. Апатиты; в Ямало-Ненецком АО — от 42 632,4 руб. в Шурышкарском районе до 50 988,7 руб. в г. Новый Уренгой; в Чукотском АО — от 57 685,3 руб. в г. Певеке до 65 796 руб. в г. Анадыре¹³.

Низкооплачиваемая занятость на фоне функционирования в арктических регионах районной системы оплаты труда (системы гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях) продуцирует феномен экономической бедности. В среднем по арктическим регионам России уровень экономической бедности в 2017 г. составил 2,3%, в т.ч. в Ненецком АО 7,2%, Чукотском АО 2,4%, в Мурманской области 2,2%, в Ямало-Ненецком АО 2,1%. Ситуация с низкооплачиваемой занятостью усугубляется фактами просроченной задолженности по заработной плате: в феврале 2019 г. общий объем такой задолженности¹⁴ в Ненецком АО составил 35 млн руб., в Мурманской области — 30 млн руб.

Устойчивое развитие арктических регионов России

Современной парадигмой общественного развития в мире является устойчивое развитие, трактуемое в Повестке дня в области устойчивого развития как результат взаимодействия человека, экономической системы и природы на глобальном, национальном, регио-

¹² Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 10.03.2019).

¹³ База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 1.04.2019).

¹⁴ Просроченная задолженность по заработной плате работникам организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, по субъектам Российской Федерации в 2019 году. Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t11.xlsx (дата обращения: 13.03.2019).

нальном или локальном уровнях, и выражающийся в достижении социальной, экономической и экологической устойчивости.

В России основу концепции устойчивого развития составляет инновационная модель экономического роста (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года), основанная в т.ч. на использовании Арктической зоны России в качестве стратегической ресурсной базы страны (Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу). При этом в число целей государственной политики РФ в Арктике помимо расширения ресурсной базы Арктической зоны входят обеспечение благоприятного оперативного режима в «арктическом регионе», защита арктической природной среды, сотрудничество с приарктическими государствами, обеспечение устойчивого развития коренных малочисленных народов (Госпрограмма РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»). Таким образом, приоритетом устойчивого развития Арктической зоны РФ является её хозяйственное освоение, центральным принципом которого составляет максимизация эффективности использования минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Трудовому потенциалу как системообразующему фактору территориальных социально-экономических систем арктических регионов России отводится производная от экономических задач вторичная роль, что не соответствует основным условиям достижения устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности страны. Де-факто это подтверждается фактически хищническими настроениями крупных добывающих предприятий и госкорпораций, когда арктические ресурсы изымаются «ради сегодняшнего дня», без «оглядки» не только на текущее социально-экономическое положение арктических регионов, но и на их будущее. В первую очередь это касается отсутствия в арктических регионах России механизма рентных отношений (рентных платежей за пользование природными ресурсами) и института социального лицензирования (институциональное регулирование прав осуществления горнодобывающей деятельности на условиях вовлечения местного сообщества и минимизации воздействия на окружающую среду и биоразнообразие через все стадии осуществления горных проектов [19, Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. and Poelzer G.]).

Анализ зарубежного опыта территориального управления показывает, что приоритет устойчивого развития арктических регионов составляет их трудовой потенциал. На американском Севере институциональными механизмами управления развитием трудового потенциала арктических регионов выступают институты корпоративной социальной ответственности (сферу применения которых составляют начальное образование, в т. ч. организация детского питания, спорт и отдых коренного населения и пр.¹⁵) и социального лицензирования в горнодобывающей деятельности (механизм функционирования которого составляют общее видение социально-экономического развития, диверсификация локальных эко-

¹⁵ Ekati Diamond Mine 2017. Socio-Economic Agreement Report. 38 p.

номик и максимизация трудового потенциала арктических территорий). Например, доля занятого населения Северо-Западных территорий и Нунавута (Канада) в филиалах ресурсодобывающей компании «Dominion Diamond Mines» в 2017 г. составила 54% местного населения, в т.ч. 18% — из числа коренного малочисленного населения¹⁶. Компания является активным участником канадской системы сертификации горных профессий, успешно реализует программы наставничества среди собственного производственного персонала, поддерживает партнёрские отношения с подрядчиками из числа представителей местных арктических сообществ (рудник Ekati заключает с такими подрядчиками контракты на оказание горнодобывающих услуг и услуг в сфере общественного питания, проведение взрывных работ, оказание транспортных, грузовых и почтовых услуг). Специфика освоения Аляски также связана с особенностями распределения рентных платежей: доходы от освоения нефтяных ресурсов изначально направлялись на развитие объектов производственной и социальной инфраструктур в районах нефтедобычи; приватизация земельных и природных ресурсов сопровождалась созданием частно-коллективных форм собственности, впоследствии ставших экономической основой местных сообществ и социального партнёрства государства, бизнеса и местных сообществ. В Норвегии действует жёсткий уровень налогообложения нефтяной деятельности; руководящим принципом освоения нефтегазовых ресурсов арктических территорий страны является обязательное соответствие проводимых работ особым требованиям социальных последствий (например, претендующие на разработку месторождений в Финн-марке компании берут на себя обязательства по созданию социальной и промышленной инфраструктуры).

Арктические регионы России при небольшой численности населения (1,64% населения страны) играют важную роль в реализации национальной инновационной модели экономического роста, фактически играя роль доноров федерального бюджета. Доля произведённого здесь валового регионального продукта в суммарном ВРП страны составляет более 5%; объем ВРП на душу населения — 2 348,8 тыс. руб. при среднем по России уровне в 510,2 тыс. руб. Несмотря на это, степень социально-экономической несправедливости в арктических регионах ощутимее. Так, население арктических регионов испытывает неадекватную экономическую компенсацию за работу и проживание в экстремальных природных условиях через заработную плату и социальные трансферты; налоговые базы региональных бюджетов сокращаются за счёт усиления вертикальной интеграции холдингов, в состав которых входят градообразующие предприятия; дефицитность муниципальных бюджетов и высокий уровень их дотационности ограничивают возможности органов местного самоуправления в участии в содействии занятости и трудоустройства, а также в формировании и реализации программ территориального развития [18, Митрошина М.Н.].

¹⁶ Local economic development. RioTinto. URL: <https://www.riotinto.com/ourcommitment/local-economic-development-24287.aspx> (дата обращения: 09.10.2018).

Анализ концептуальных основ устойчивого развития территориальных социально-экономических систем [20, Manjeet K.; 21, Alvarez J., Yumashev D. and Whiteman G.; 22, Newton St.T., Fast H. and Henley Th.; 23, Jovovic R., Draskovic M., Delibasic M. and Jovovic M.] показывает, что современной арктической парадигмой в России должно стать устойчивое развитие её арктических регионов как процесс территориального развития, определяемый долгосрочной социально-экономической политикой государства, формируемой на основе системного взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, бизнес-сообщества и населения, и осуществляемый на принципах стимулирования рационального социально ориентированного природопользования и максимального сохранения человеческого потенциала посредством формирования высоких стандартов благосостояния населения с учётом арктической специфики. Темпы и пропорции устойчивого развития арктических регионов России определяются соответствующим уровнем качества трудового потенциала, что в свою очередь требует формирования эффективной модели его развития как системообразующего фактора территориальных социально-экономических систем северных регионов России.

Заключение

Достижение устойчивого развития зарубежных арктических регионов предполагает в первую очередь решение проблем безработицы за счёт обеспечения максимальной занятости арктического населения на основе постоянного взаимодействия крупнейших работодателей с местными системами школьного и профессионального образования и широкого распространения социального лицензирования деятельности добывающих корпораций в части повышения их ответственности за социально-экономическое развитие территорий своего присутствия. На наш взгляд, условием достижения устойчивого развития арктических регионов России является переориентация освоения ресурсов Арктики на их социальную значимость на основе распространения института социального лицензирования деятельности ресурсодобывающих компаний на принципах общего видения территориального развития, постоянного мониторинга результатов собственной деятельности и их воздействия на социально-экономическое положение арктических территорий, сохранения человеческого потенциала арктических регионов. Социальная значимость ресурсодобывающей деятельности определяется оптимизацией возможностей территориального саморазвития, повышением «бытовой» привлекательности арктических территорий и в итоге — развитием трудового потенциала арктических регионов России.

Благодарности и финансирование

Автор выражает признательность д.э.н., профессору, главному научному сотруднику Института экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН Скуфьиной Т.П. за ценные советы при подготовке статьи.

Статья включает материалы, подготовленные в рамках НИОКТР АААА-А18-118051590115-9 «Социальные аспекты управления саморазвитием регионов и местных сообществ в российской Арктике» (госзадание ФИЦ КНЦ РАН).

Литература

1. Цветкова И.И. Основные принципы развития трудового потенциала региона // Экономика и управление. 2012. № 3. С. 41–46.
2. Третьякова Л.А., Бессонова М.А., Трофименко Е.Н. Сущность категории «трудовой потенциал»: социально-экономический аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 34 (361). С. 2–10.
3. Зайцева И.В. Демографическое развитие Ставропольского края как основа формирования трудовых ресурсов // Научный журнал Куб ГАУ. 2012. № 81 (07). С. 1–16.
4. Корчак Е.А. Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 225 с.
5. Истомин А.В., Селин В.С. Стратегия и возможности программно-целевого подхода в регулировании регионального экономического развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 3 (7). С. 25–36.
6. Воробьев А.А. Трудовой потенциал регионов Приволжского федерального округа: анализ и возможности его повышения // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12. Ч. 2. С. 410–413.
7. Попова Л.А., Терентьева М.А. Трудовой потенциал российского Севера // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 51–69.
8. Терентьева М.А. Трудовой потенциал северного региона и проблемы профессионального образования // Проблемы образования. 2015. № 1. С. 118–136.
9. Ярашева А.В., Макара С.В. Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 103–114.
10. Тесля А.Б., Булачева Л.В. Формирование и развитие трудового потенциала Арктической зоны Российской Федерации // Вестник МГТУ. 2015. № 3. Том 18. С. 537–546.
11. Samarina V., Skufina T., Samarin A. Russia's North Regions as Frontier Territories: Demographic Indicators and Management Features // European Research Studies Journal. 2018. No. 3. Pp. 705–716.
12. Ревич Б.А., Харьков Т.Л., Кваша Е.А., Богоявленский Д.Д., Коровкин А.Г., Королев И.Б. Социально-демографические ограничения устойчивого развития Мурманской области // Проблемы прогнозирования. 2014. № 2. С. 127–135.
13. Schmidt J., Aanesen M., Klovov K., Khrutshev S., Hausner V. Demographic and economic disparities among Arctic regions. Polar Geography. 2015. No. 38. Pp. 251–270. DOI 10.1080/1088937X.2015.1065926
14. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6 (10). С. 75–88. DOI <https://doi.org/10.15838/esc/2017.6.54.5>
15. Иванова М.В., Ключкина Э.С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 180–198. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.08>
16. Глазьев С.Ю., Локозов В.В. Оценка предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41.
17. Шарова Е.Н. Жизненные стратегии молодежи в условиях Кольского Севера (по материалам социологического исследования): Монография / Е.Н. Шарова, Е.В. Недосека, Т.В. Ануфриева. Мурманск: ООО «Баренц-пресс», 2015. 175 с.

18. Митрошина М.Н. Проблемы занятости населения моногородов Арктической зоны Российской Федерации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 3 (59).
19. Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. and Poelzer G.A. Social impacts of the “glocal” mining business: case studies from Northern Europe // Mineral Economics. 2017. Vol. 30. Issue 1. Pp. 31–39. DOI <https://doi.org/10.1007/s13563-016-0092-5>
20. Manjeet K. Arctic Legal System: a New Sustainable Development Model. Russian Law Journal. 2016. № 4 (2). Pp. 83–95. DOI <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2016-4-2-83-95>
21. Alvarez J., Yumashev D. and Whiteman G. A framework for assessing the economic impacts of Arctic change // Ambio. A Journal of the Human Environment. 2019. Jun 24. Pp. 1–12. DOI <https://doi.org/10.1007/s13280-019-01211-z>
22. Newton St.T., Fast H. and Henley Th. Sustainable Development for Canada's Arctic and Subarctic Communities: A Backcasting Approach to Churchill, Manitoba // Arctic. 2002. Vol. 56. No. 3. Pp. 281–290.
23. Jovovic R., Draskovic M., Delibasic M. and Jovovic M. The concept of sustainable regional development — institutional aspects, policies and prospects // Journal of International Studies. 2017. No. 10 (1). Pp. 255–266. DOI <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-1/18>

References

1. Tsvetkova I.I. Osnovnye principy razvitiya trudovogo potenciala regiona [Basic principles for the development of the labor potential of the region]. *Ekonomika i upravlenie* [Economy and Management], 2012, no. 3, pp. 41–46.
2. Tret'yakova L.A., Bessonova M.A., Trofimenko E.N. Sushchnost' kategorii «trudovoj po-tencial»: so-cial'no-ekonomicheskij aspekt [The essence of the category “labor potential”: socio-economic aspect]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2014, no. 34 (361), pp. 2–10.
3. Zaitseva I.V. Demograficheskoe razvitie Stavropol'skogo kraja kak osnova formirovaniya trudovyh resursov [Demographic development of the Stavropol Territory as a basis for the formation of labor resources]. *Nauchnyj zhurnal Kub GAU* [Scientific Journal of KubSAU], 2012, no. 81 (07), pp. 1–16.
4. Korchak E.A. *Trudovoj potencial severnyh regionov v ramkah realizacii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike* [Labor potential of the northern regions in the framework of the implementation of the state policy of the Russian Federation in the Arctic]. Apatity, KSC RAS Publ., 2017, 225 p. (In Russ.)
5. Istomin A., Selin V. Strategiya i vozmozhnosti programmno-celevogo podhoda v regulirovanii regional'nogo ekonomicheskogo razvitiya [Strategy and possibilities of the program-target approach in the regulation of regional economic development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2009, no. 3 (7), pp. 25–36.
6. Vorobev A.A. Trudovoj potencial regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga: analiz i vozmozhnosti ego povysheniya [Labor potential of the Volga Federal District regions: analysis and opportunities for its increase]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2015, no. 12, part 2, pp. 410–413.
7. Popova L.A., Terentjeva M.A. Trudovoj potencial rossijskogo Severa [Labor Potential of the Russian North]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 14, pp. 51–69.
8. Terentyeva M.A. Trudovoj potencial severnogo regiona i problemy professio-nal'nogo obrazovaniya [Labor potential of the northern region and the problems of vocational education]. *Problemy obrazovaniya* [Problems of education], 2015, no. 1, pp. 118–136.
9. Yarasheva A.V., Makar S.V. Vliyanie demograficheskij faktorov na trudovoj potencial regionov Dal'nego Vostoka [The Impact of Demographic Factors on the Labor Potential of the Far East Regions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law], 2019, no. 2, pp. 103–114.
10. Teslya A.B., Bulacheva L.V. Formirovanie i razvitie trudovogo potenciala Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Formation and development of labour potential of the Russian Federation Arctic zone]. *Vestnik MGTU* [Vestnik of MSTU], 2015, no 3, vol. 18, pp. 537–546.

11. Samarina V., Skufina T. and Samarin A. Russia's North Regions as Frontier Territories: Demographic Indicators and Management Features. *European Research Studies Journal*, 2018, no. 3, pp. 705–716.
12. Revich B., Kharkova T., Kvasha E., Bogoyavlensky D., Korovkin A. and Korolev I. *Sotsial'no-demograficheskie ogranicheniya ustojchivogo razvitiya Murmanskoy oblasti* [Sociodemographic limitations of the sustainable development of Murmansk oblast]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2014, no. 2, pp. 127–135.
13. Schmidt J., Aanesen M., Klovov K., Khrutshev S. and Hausner V. Demographic and economic disparities among Arctic regions. *Polar Geography*, 2015, no. 38, pp. 251–270. DOI 10.1080/1088937X.2015.1065926
14. Markin V., Silin A. Chelovecheskiy i sotsial'nyy potentsial neoindustrial'nogo osvoeniya Arktiki: sotsiologicheskii analiz, modelirovanie, regulirovanie [Human and social potential of neo-industrial development of the Arctic: sociological analysis, modeling, and regulation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, no. 6 (10), pp. 75–88. DOI <https://doi.org/10.15838/esc/2017.6.54.5>.
15. Ivanova M., Klyukina E. Sovremennye predposylki budushchego arkticheskikh trudovykh resursov [Contemporary preconditions for the future of the Arctic labor resources]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2017, no. 6 (142), pp. 180–198. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.08>.
16. Glazyev S., Lokosov V. Otsenka predel'no-kriticheskikh znacheniy pokazateley sostoyaniya rossiyskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Assessment of the critical threshold values of the indicators of the state of Russian society and their use in the socio-economic development management]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2012, no. 4 (22), pp. 22–41.
17. Sharova E.N. Zhiznennyye strategii molodezhi v usloviyakh Kol'skogo Severa (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya): monografiya [The life strategies of young people of the Kola North (based on sociological research): monograph]. E.N. Sharova, E.V. Nedoseka, T.V. Anufrieva. Murmansk, Barents Press Publ., 2015, 175 p. (In Russ.)
18. Mitroshina M.N. Problemy zanyatosti naseleniya monogorodov Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [The employment problems in mono-profile towns of the Russian Arctic]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional economics and management: electronic scientific journal], 2016, no. 3 (59).
19. Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. and Poelzer G.A. Social impacts of the “glocal” mining business: case studies from Northern Europe. *Mineral Economics*, 2017, vol. 30, issue 1, pp. 31–39. DOI <https://doi.org/10.1007/s13563-016-0092-5>
20. Manjeet K. Arctic Legal System: a New Sustainable Development Model. *Russian Law Journal*, 2016, no. 4 (2), pp. 83–95. DOI <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2016-4-2-83-95>
21. Alvarez J., Yumashev D. and Whiteman G. A framework for assessing the economic impacts of Arctic change. *Ambio. A Journal of the Human Environment*, 2019, Jun 24, pp. 1–12. DOI <https://doi.org/10.1007/s13280-019-01211-z>
22. Newton St.T., Fast H. and Henley Th. Sustainable Development for Canada's Arctic and Subarctic Communities: A Backcasting Approach to Churchill, Manitoba. *Arctic*, 2002, vol. 56, no. 3, pp. 281–290.
23. Jovovic R., Draskovic M., Delibasic M. and Jovovic M. The concept of sustainable regional development — institutional aspects, policies and prospects. *Journal of International Studies*, 2017, no. 10 (1), pp. 255–266. DOI <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-1/18>